

УДК 316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНСПИРАТИВИСТСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ¹

В.И. Пищик (Ростов-на-Дону, Россия)

Е.А. Черкасова (Ростов-на-Дону, Россия)

Аннотация

Проблема и цель. Сегодня наблюдается большое распространение веры в теории заговоров, имеющее пагубные последствия для здоровья, безопасности населения. Выявление механизмов актуализации конспиративистской ментальности является значимой проблемой, которая будет способствовать разработке методов воздействия на конспиративистские убеждения. Описаны различные механизмы актуализации конспиративистской ментальности с культурологических, психодинамических, социально-психологических, когнитивных, структурного анализа и др. позиций. В психодинамическом подходе – это механизм вытеснения, отклонения от пугающего события, наличия заговора, а также механизм преодоления коллективной травмы. С когнитивных позиций интуитивные процессы и обдумывание могут выступать механизмами, провоцирующими веру в заговоры. С социально-психологических позиций такие феномены, как принятие группового решения, солидаризация, провоцируют веру в заговоры. Выделяют ускорение вовлечения в заговор населения – механизм «кроличьей норы». Вера в заговоры подкрепляется посредством механизма «иллюзии фокусировки» в связи с отдаленностью от эпицентра катастрофического события.

Цель статьи – описать новый механизм актуализации конспиративистской ментальности.

Методологию исследования составляет субъектно-динамический подход к проблеме, позволивший описать новый механизм актуализации конспиративистской ментальности. В эмпирическом исследовании применялись методики измерения видов веры в заговоры, типа конспиративистской ментальности, уровня критичности мышления, актуализации ценностей через страхи, методы математической статистики.

Результаты исследования. В статье представлен механизм «интерпассивность» – перекладывание ответственности на Другого, когда человек проявляет пассивность по отношению к своим желаниям. Проведено исследование на выборке студентов 18–20 лет (девушки – 50 %), всего 60 человек. Первоначально выявлены доминирующие виды веры в заговоры: в фармацевтический заговор, в общественный и политический заговоры. Установлено, что у девушек в большей степени проявляется устойчивый тип конспиративистской ментальности, у юношей – готовый тип. В группе преобладал средний уровень критичности мышления и выражена «ценность я». Мы привлекли студентов к участию в тренинге. Обнаружены изменения по вере в политический заговор, она существенно снизилась, вере в заговор по вопросу вакцинации, фармацевтический заговор. Представленность ищущего и результативного типов конспиративистской ментальности стала выражена в большей степени. Тип «готовый» конспиративистской ментальности снизился.

Заключение. Описан один из возможных механизмов актуализации конспиративистской ментальности – интерпассивность, отражающая процессы, когда активность в совершении действий, транслировании мыслей отдается большому Другому. Проведено эмпирическое исследование, в котором установлено, что среди студентов имеются большое распространение веры в различные заговоры, средний уровень критичности мышления. Установлены корреляции между ценностями, страхами и типами конспиративистской ментальности. Реализован тренинг коррекции конспиративистских убеждений, который имеет определенную эффективность и может быть применен в воспитательной работе вузов.

Ключевые слова: конспиративистская ментальность, вера в теории заговоров, критичность мышления, ценности, страхи, механизм, интерпассивность, студенты.

Пищик Влада Игоревна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону); SCOPUS ID: 24473186900; ORCID: 0000-0002-3909-3895; e-mail: vladaph@yandex.ru

Черкасова Есения Александровна – аспирант, Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону); ORCID: 0009-0000-5210-4002; e-mail: yeseniacherkasova@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520.

Постановка проблемы. Конспиративистские убеждения чрезвычайно распространены в различных культурах [Douglas, Sutton, Cichocka, 2017; Теории заговоров... ВЦИОМ, 2020]. Люди с менталитетом заговора чувствительны к теории заговора как единственной форме объяснения исторических событий [Энтин, 2000]. Теории заговора имеют психологические преимущества, наполняя мировоззрение воспринимающего человека смыслом и целью полезности [Prooijen van et al., 2022]. Но иногда можно ложно обвинять людей, которые имеют благие намерения, в заговоре против всех [Prooijen van, VanVugt, 2018]. Нередко вера в теории заговоров имеет пагубные последствия, когда люди обладают низкой готовностью следовать мерам здравоохранения в обществе [Кадурина, 2013; Georgiou, Delfabbro, Balzan, 2020; Прилуцкий, Соколов, 2021], например снижение намерения соблюдать правила социальной дистанции или здорового поведения в разгар пандемии COVID-19 [Нестик, Дейнека, Максименко, 2020; Bierwaczzonek, Gundersen, Kunst, 2022]. Конспирологические убеждения также связаны с ростом намерения совершать насильственные преступления [Rottweiler et al., 2020], со снижением веры в научные утверждения в целом [Lewandowsky, Oberauer, Gignac, 2013]. Субъективная религиозность, социальное доверие, установки на авторитаризм могут привести к повышению социальной активности населения [Шамионов и др., 2023] и др. Поэтому крайне важно начать разработку более глубокого анализа психологических механизмов, лежащих в основе конспиративистской ментальности, что могло бы помочь в усилиях противостоять ее распространению.

Актуальность изучения проблемы определила цель статьи: описать и эмпирически подтвердить новый механизм актуализации конспиративистской ментальности.

Обзор научной литературы проведен на основе анализа отечественных и зарубежных исследований. Конспиративистская ментальность представляет собой склад ума адепта

заговора, направленный на предмет заговора, которому атрибутируют особые негативные последствия для личной или общественной безопасности [Пищик, 2022]. Объект заговора – это реальное или иллюзорное событие, которое определяется с позиции различных объяснительных, причинных схем угрозы. Предмет заговора – конструируемая реальность данных схем [Boltanski, 2012]. Субъектами заговора выступают отдельный человек или группа людей, объединенные совместной заговорщицкой деятельностью или общей интерпретацией теории заговора. Теория заговора, относящаяся к значительным событиям или имеющая сенсационные последствия, предполагает необычно зловещих и компетентных заговорщиков, основана на слабых доказательствах и эпистемически самоизолируется от опровержения [Бразертон, 2017]. Вера в теории заговоров является составляющей конспиративистской ментальности. В науке еще слабо разработана проблема выявления механизмов актуализации конспиративистской ментальности.

Изначально был описан механизм иррадиации (наше определение) распространения веры в одну теорию заговоров на другие [Swami et al., 2010]. Можно отметить и механизм эскалации, демонизации, порождения слухов вокруг определенной теории заговоров [Swami et al., 2016; Бразертон, 2017]. Далее вера в теории заговоров была объяснена эволюционным механизмом защиты людей [Prooijen van, VanVugt, 2018].

Можно определить механизмы образования и распространения конспиративистской ментальности в культурологическом ключе. Он заключается в том, что культура имеет некоторую «ущербность» [Смулянский, 2021] и общество управляется и в том числе теориями заговора, что стимулирует их распространение среди ее членов, то есть заговоры изначально заданы репрессивной структурой общества и имеют место всегда.

В рамках психодинамического подхода были описаны механизмы функционирования психического аппарата, такие как вытес-

нение, отклонение, отрицание и отбрасывание [Фрейд, 1997]. Все они призваны отклонять от истинных желаний субъекта, не признавать, утаивать их. Они заключаются и в вытеснении, отклонении информации, которая не доступна логической критике, например, что планета Земля плоская [Olshansky, Peaslee, Landrum, 2020], допущение очевидных ошибок.

Вера в теории заговоров как механизм преодоления исторической травмы описана М. Билевич [Bilewicz, 2022]. В ситуациях COVID-19, СВО С.Б. Яблонская (2023) отмечает, что оставшиеся и эмигранты переживают достаточно выраженную степень травматизации, которая приближена к постановке диагноза ПТСР. Уехавшие, пишет автор, проявляют нарушения Я-организации, что порождает распространение веры в теории заговоров.

Могут быть обозначены когнитивные механизмы актуализации конспиративистской ментальности. Все более популярным является подход к пониманию конспиративистских убеждений через призму теории двойственных процессов: интуитивный и обдумывание [Stanovich, West, 2008]. Согласно классической концепции двойного процесса обдумывание помогает людям исправлять свои интуитивные ошибки [Kahneman, 2011]. Однако обдумывание может и вовлекать в контексты заговора, может быть использовано для повышения согласованности между новой информацией и фоновыми знаниями или прежними убеждениями [Tarrin, Pennycook, Rand, 2020].

Механизмы заражения, внушения безусловно играют большую роль в распространении веры в заговоры. Р.М. Саттон и К.М. Дуглас [Sutton, Douglas, 2022] описывают механизм затягивания веры в теории заговоров, обозначаемый как «кроличья нора». Гипотетический «синдром кроличьей норы» заключается в том, что приверженность некоторых людей убеждениям в заговоре изначально непреднамеренна, рекурсивно ускоряется, а затем становится трудно ее избежать.

Исследования раскрывают эффект «Психологический глаз тайфуна» (PTE), который

проявляется в восприятии риска, связанного с крупными чрезвычайными ситуациями. Суть эффекта заключается в том, что люди, находящиеся ближе к центру зоны бедствия, сообщают о более низком восприятии риска, чем находящиеся от него далеко [Yang et al., 2023]. Проявляются «иллюзии фокусировки», которые могут составлять механизм, лежащий в основе формирования ложных представлений. Доказано, что эффект повторения повышает веру в информацию, явление, известное как эффект иллюзорной правды [Udry, Barber, 2024].

В социально-психологических направлениях рассмотрения проблемы описываются разнообразные механизмы приверженности вере в теории заговоров. Конспиративистские убеждения – в первую очередь социальные явления, часто связанные с внутригрупповой идентификацией, социальной солидарностью, и как таковые они являются формой коллективного, мотивированного познания [Kreko, 2015].

Совместное решение проблем в Интернете позволяет людям интерпретировать события таким образом, что некоторые хорошо согласуются с их мировоззрением, что является важным компонентом поддержания убеждений в заговоре [Wood, 2013]. С позиции коммуникативно-ролевой концепции Д.С. Горбатов (2017) показал, что посетители с ролью «конспиролога» составили только 1 %, скептики преобладали в активную фазу распространения слухов.

Обобщая исследования веры в заговоры, Р.М. Саттон, К.М. Дуглас и А. Сичока [Douglas, Sutton, Cichocka, 2017] выделяют важные социально-психологические мотивы, которые могут быть охарактеризованы как эпистемические (например, стремление к пониманию, точности и субъективной уверенности), экзистенциальные (например, стремление к контролю и безопасности) и социальные (например, желание поддерживать позитивный образ себя или группы). Авторы продемонстрировали, что люди сознательно делились теориями заговора, чтобы продвигать социальные мотивы (например, получать «лайки»).

Кроме механизмов групповой солидарности, социальной идентификации, можно выделить еще один механизм, который может лежать в основе образования конспиративистской ментальности, – это интерпассивность. Мы считаем, что данный феномен можно квалифицировать как реализацию субъектно-динамического подхода.

Понятие «интерпассивность» было предложено Р. Пфаллером [Pfaller, 2017], означает делегированное потребление и наслаждение, которые задаются не потребителями. Но сегодня пассивный потребитель становится активным участником процесса потребления. При этом фиксируется лишенность человека собственного пассивного опыта наслаждения. И. Ялом (1999) пишет, что сегодня запросом на психотерапию является жалоба пациента, что в его жизни «чего-то не хватает». З. Фрейд (2010) утверждал, что задача избежать социального страдания порой вытесняет стремление к удовольствию.

С позиций структурного анализа субъект [Лакан, 2008] «децентрирован», он выстроен в месте Другого. Наслаждается Другой, а мы думаем, что мы. Ж. Лакан (2010) отмечает, что Гегель в работе «Феноменология духа» указывает на то, что «человеческое желание – это желание другого». Автор полагает, что реализация желания возможна только иллюзорно в регистре воображаемого. Другой, как тот, кто нас подвигает на веру в заговоры, запускает нашу интерпассивность. Большой Другой управляет нашей жизнью и навязывает страх перед конспиративистской теорией. В результате я перекладываю ответственность на Другого. «Возможно, фундаментальным отношением, определяющим субъекта, являются не пассивность или автономная активность, а именно интерпассивность» [Жижек, 2005, с. 27]. Автор вводит понятие «ложной активности» (не использовать целлофановые пакеты, полагая, что вы обладаете экологическим мышлением, – ложно, вы пассивны). Но наша пассивность в Другом. Интерпассивность как противоположное интерактивности – это защита субъекта

от наслаждения. Активности всегда предшествует пассивность. Пассивность движет активность в Другом. Мы находимся в пространстве внутренней пассивности, порождающей страха и тревожность, которыми мы можем оправдать для себя веру в заговоры. Заметим, что во всем мире отмечается отсутствие желаний у многих подростков [Watson et al., 2020].

Методология исследования. Эмпирическое подтверждение того или иного механизма образования конспиративистской ментальности чрезвычайно сложно. Мы пошли по пути наиболее доступному. Разработав программу тренинга по коррекции конспиративистских убеждений, мы отслеживали результаты изменений до и после тренинга. Тренинг проводился в двух группах студентов в количестве 60 человек, студенты вузов Ростова-на-Дону. Возраст 18–20 лет (девушки – 50 %). Тренеры – преподаватели и аспиранты, которые имели опыт психологического консультирования. Тренинговые занятия проводились 1 раз в неделю в течение двух месяцев.

Содержание тренинга представляло собой 12 встреч по 4 часа. Основные методы, используемые на занятиях тренинга, это методы гештальттерапии и когнитивно-поведенческого подхода. Студенты анализировали свои жизненные установки, стереотипы мышления; знакомились с заведомо ложными по содержанию текстами и искали в Интернете информацию по их опровержению; решали задачи по развитию критического мышления, знакомились с особенностями распространения слухов. Сначала мы предполагали, что в тренинговую группу войдут только студенты, имеющие высокие показатели по готовности веры в теории заговоров, но потом поняли, что студенты с устойчивым типом конспиративистской ментальности являются важным информационным и эмоциональным для группы ресурсом.

На входе и выходе мы измеряли веру в заговоры («Методика измерения веры в заговоры» [Пищик, 2014]), позволяющую выявить следующие виды веры в заговоры: политический, общественный, государственный, информационный,

вера в тайную деятельность, в тайные организации, фармацевтический, продуктовый, связанный с вакцинацией, вера в клонов, пришельцев, глобальность и конец света. Применяли «Методику измерения типа конспиративистской ментальности» [Пищик, 2019], выявляющую 4 типа: готовый к приятию веры в теории заговоров; ищущий информацию подтверждения/опровержения веры в теории заговоров; результативный, который озадачен последствиями данной веры, и устойчивый, способный противостоять информации теории заговоров. Измеряли 3 уровня (высокий, низкий, очень низкий) критичности мышления (тест критического мышления Л. Старки, адаптация [Луценко, 2014]). Использовали методику актуализации ценностей через

страхи [Пищик, 2019], позволяющую выявить следующие ценности: Я, других, природы, технологий, мистического, культуры, связанных по содержанию со страхами.

Мониторинговое исследование проводилось посредством заполнения студентами Google-формы. Расчет критерия Колмогорова – Смирнова показал, что распределение признака по всем показателям отличается от нормального, что обусловило выбор непараметрических критериев для статистической обработки данных (критерий Вилкоксона), корреляционный анализ по Спирмену.

Результаты исследования. Получены результаты по выявлению видов веры в заговоры в группе студентов (рис. 1).

Рис. 1. Выраженность видов веры в заговоры в группе
Fig. 1. The severity of different types of belief in conspiracies within the group

Результаты свидетельствуют о том, что в целом по выборке преобладают вера в политический заговор ($\bar{x} = 8,07 \pm 2,5$), вера в общественный заговор ($\bar{x} = 7,84 \pm 2,47$), вера в фармацевтический заговор ($\bar{x} = 7,01 \pm 2,8$) и вера в продуктовый заговор ($\bar{x} = 7,0 \pm 2,76$). Что и стало основным предметом разбора на тренинговых занятиях. На среднем уровне у участников исследования находятся вера в государственный заговор ($\bar{x} = 6,35 \pm 2,59$), вера в тайную деятельность ($\bar{x} = 6,151 \pm 2,46$), вера

в тайные организации ($\bar{x} = 6,23 \pm 2,842$), вера в глобальность ($\bar{x} = 5,47 \pm 2,84$), вера в информационный заговор ($\bar{x} = 5,61 \pm 2,4$), вера в заговор, связанный с вакцинацией ($\bar{x} = 5,35 \pm 3,187$). На низком уровне значимости располагаются вера в клонов ($\bar{x} = 2,96 \pm 2,64$), вера в пришельцев ($\bar{x} = 2,78 \pm 2,43$), вера в конец света ($\bar{x} = 3,74 \pm 2,8$).

Результаты по выраженности типов конспиративистской ментальности представлены на рис. 2.

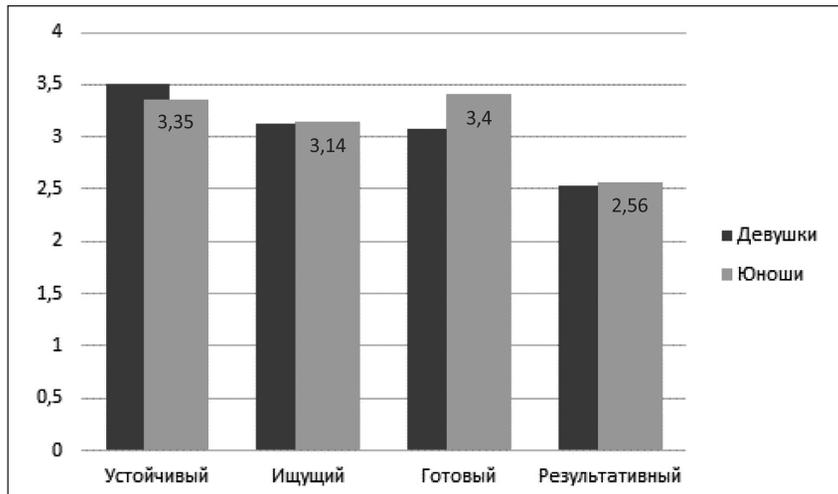

Рис. 2. Выраженность типов конспиративистской ментальности у девушек и юношей
 Fig. 2. The severity of the types of conspiracy mentality among young girls and men

В профиле выборки доминирует тип конспиративистской ментальности «устойчивый» ($\bar{x} = 3,25 \pm 0,81$), далее по нисходящей представлены типы конспиративистской ментальности «ищущий» ($\bar{x} = 3,13 \pm 0,9$), «готовый» ($\bar{x} = 3,073 \pm 0,91$) и «результативный», представленный самыми низкими значениями ($\bar{x} = 2,54 \pm 1,041$). При этом в группе юношей преобладал готовый тип конспиративистской ментальности. В ценностном про-

филе доминирует «ценность я» ($\bar{x} = 15,397 \pm 2,8$), далее в порядке снижения значения диагностированы «ценность природы» ($\bar{x} = 11,358 \pm 1,9$), «ценность мистического» ($\bar{x} = 11,16 \pm 1,87$), «ценность культуры» ($\bar{x} = 11,12 \pm 2,05$), и завершают профиль «ценность других» ($\bar{x} = 10,86 \pm 1,6$), «ценность технологий» ($\bar{x} = 10,49 \pm 1,7$). В таблице представлены результаты корреляционных связей типов конспиративистской ментальности, ценностей и страхов.

Взаимосвязи страхов и ценностей с типами конспиративистской ментальности

Interrelations of fears and values with types of conspiratorial mentality

Тип	Готовый	Ищущий	Результативный	Устойчивый
Ценности и страхи				
Технологические угрозы	-0,35*			
Пугают эпидемии	-0,31*			
Мистический опыт	0,57*	-0,33*		
Ценность мистического	0,61*			
Потеря себя	-0,43*			
Ценность Другого		0,34*		
Экологический кризис		0,32*		
Неопределенность культур				0,32*
Нехватка информации				0,50*
Пугает все новое				-0,38*
Пугает отсутствие идеалов				-0,50*
Пугает утрата Другого				0,27*
Потеря смысла			0,46*	
Невозможность сделать выбор			0,46*	
Невозможность находиться в хаосе			0,28*	
Страх утраты традиции			-0,55*	
Ценность культуры			0,39*	
Ценность технологий			0,34*	

Примечание. * – корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Обращает на себя внимание результат тесных связей «ценности мистического», страха мистического опыта и готового типа конспиративистской ментальности. Устойчивый тип конспиративистской ментальности наиболее тесно связан со страхом нехватки информации и ориен-

тирован на идеалы. Результативный тип больше ориентирован на традиции. Для ищущего важна «ценность другого».

Мы измерили уровень критического мышления у студентов. Результаты представлены на рис. 3.

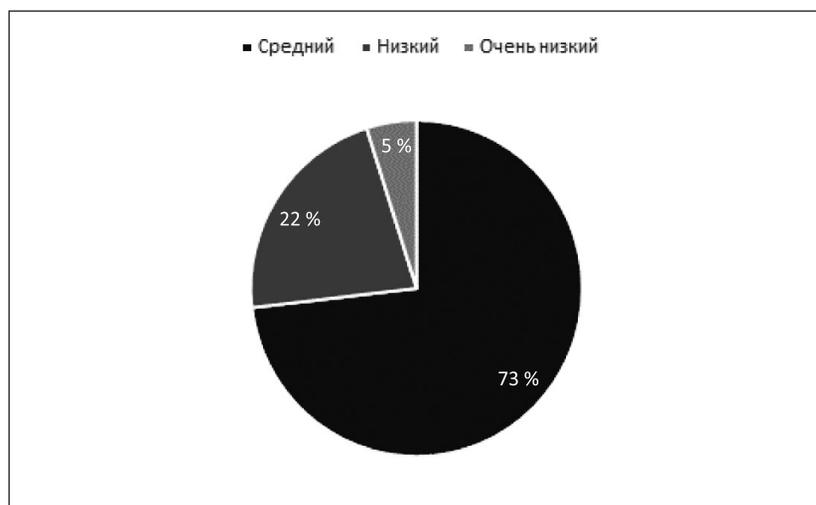

Рис. 3. Процент представленности уровней критического мышления среди студентов
Fig. 3. Percentage of critical thinking levels among students

На диаграмме видно, что преимущественно в группе выражен средний уровень критического мышления, что стало предметом для развития в тренинге.

После проведения тренинговых занятий студенты повторно заполняли формы методик. Статистическая обработка данных выявила: изменения по вере в политический заговор, которая существенно снизилась ($W=1464,5$, $p=0,015$), продуктовый заговор ($W=1507,5$, $p=0,038$), заговор по вопросу вакцинации ($W=1505,0$, $p=0,036$), фармацевтический заговор ($W=1472,0$, $p=0,019$). Данные показатели демонстрируют, что именно эти темы были подвергнуты трансформации в мышлении участников. Представленность ищущего ($W=1673,0$, $p=0,00$) и результативного ($W=1447,5$, $p=0,00$) типов конспиративистской ментальности стала выражена в большей степени. Тип «готовый» конспиративистской ментальности снизился ($W=1592,0$, $p=0,00$).

Заключение. Актуальность темы исследования была определена большой распространенностью веры в заговоры и трудностью ее преодоления. Мы проанализировали уже имеющиеся

описания механизмов актуализации конспиративистской ментальности, в основе которой находятся виды веры в заговоры. Было показано, что различные авторы рассматривают интересующие их аспекты в вере в заговоры и механизмы реализации: скрытые мотивы веры в заговоры; тревога, страх перед вытесненными представлениями о конспирологии; анализ информации о вере в заговор, его обдумывание; социально-психологические феномены вовлечения, затягивания в контексты заговоров под влиянием социальной группы; иллюзорная фокусировка на определенных аспектах заговоров и т.д.

Предложен один из возможных механизмов актуализации конспиративистской ментальности, такой как интерпассивность, когда активность за совершение действий, транслирование мыслей отдается большому Другому.

Проведено эмпирическое исследование, в котором показано, что среди студентов имеется большое распространение веры в различные заговоры. Преобладали в группе вера в политический, общественный, фармацевтический и

продуктовый заговоры. Наиболее представлен устойчивый тип конспиративистской ментальности. Но именно у юношей более выражен готовый тип конспиративистской ментальности. Мы это объясняем тем, что сегодняшние реалии политической ситуации вызывают больше тревоги у мужской части населения.

В ценностном профиле преобладала «ценность я», что можно квалифицировать как некоторый нарциссизм молодежи. При этом готовый тип конспиративистской ментальности был взаимосвязан с «ценностью мистического», а устойчивый тип – с опасением за нехватку информации. Ищущий тип был связан с «ценностью другого» и страхом, связанным с экологи-

ческими проблемами. В группах преобладал средний уровень критичности мышления.

Была сформирована группа, которая прошла авторский тренинг по снижению уровня конспиративизма, благодаря которому у студентов ушли некоторые виды веры в заговоры и понизился процент представленности готового типа конспиративистской ментальности. В ходе тренинга может происходить понижение интерпассивности студентов, они могут брать ответственность на себя за поиск информации о предполагаемых заговорах, определиться в своих желаниях, найти истинный объект подозрения.

Тренинг может быть использован в воспитательной работе со студентами вузов.

Библиографический список

1. Бразертон Р. Недоверчивые умы. Чем нас привлекают теории заговора / пер. с англ. М. Багоцкая и П. Купцов. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 380 с. URL: <https://www.litres.ru/book/rob-brazerton/nedoverchivye-umy-chem-nas-privlekaut-teorii-zagovorov-23925297/>
2. Горбатов Д.С. Контент-анализ обсуждений ложных слухов в интернете // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2017. Т. 27, № 1. С. 19–26. URL: https://psyjournals.ru/journals/scientific_notes/archive/2017_n1/gorbatov?ysclid=lxixvprk6v175302060
3. Жижек С. Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм / пер. с англ. А. Смирнова; под ред. В. Мазина и Г. Рогоняна. СПб.: Алетейя, 2005. 156 с. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/601000/66b33d1369b9e6ce3718322e5e815aff/_as/\[ZHizhek_S.\]_Interpassivnost._ZHelanie_vlechenie.\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/601000/66b33d1369b9e6ce3718322e5e815aff/_as/[ZHizhek_S.]_Interpassivnost._ZHelanie_vlechenie.(libcats.org).pdf)
4. Кадурина Н.В. Конспирологические подходы к репрезентации политических процессов // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. ModernResearchofSocialProblems. 2013. № 6 (26). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-26>
5. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Семинары. Книга XVII (1969/70). М.: Гнозис/Логос, 2008. 272 с. URL: <https://djvu.online/file/tOO9004ybsUqn>
6. Лакан Ж. Тревога. Семинары. Книга X (1962/63). М.: Гнозис/Логос, 2010. 424 с. URL: <https://djvu.online/file/LYIsKYzDvdEMe>
7. Луценко Е.Л. Адаптация теста критического мышления Л. Старки // Вісник Харк. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія: Психологія. 2014. № 1110. С. 65–70.
8. Нестик Т.А., Дейнека О.С., Максименко А.А. Социально-психологические предпосылки веры в конспирологические теории происхождения COVID-19 и вовлеченность в сетевые коммуникации // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407
9. Пищик В.И. Конструкт конспиративистской ментальности: теоретическая модель // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 4. С. 27–44. DOI: 10.31429/26190567-23-4-27-44 <https://journalsr.kubsu.ru/issue/view/19>
10. Пищик В.И. Ментальность поколений в текущей современности: монография. М.: ИНФРА-М, 2019. 150 с. DOI: 10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669

11. Прилуцкий А.М., Соколов Р.А. Категориальная семиотика вакцинофобского дискурса конспирологического мифа // Вестник ПСТГУ. Сер. I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2021. Вып. 97. С. 105–120. DOI: 10.15382/sturl202197.105-120
12. Смулянский А.Е. Исчезающая теория: Книга о ключевых фигурах континентальной философии. М.: РИПОЛ классик, 2021. 496 с. URL: <https://djvu.online/file/me3XO3iqLXGnk>
13. Теории заговоров – и что люди о них думают? ВЦИОМ. 2020. 29 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teorii-zagovora-i-cto-lyudi-o-nikh-dumayut>
14. Фрейд З. Конструкции в анализе // Консультативная психология и психотерапия. 1997. Т. 5, № 3. https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1997_n3/Freud?ysclid=lq439t8lna747502152
15. Фрейд З. Неудобства культуры / пер. с нем. Р. Додельцева. СПб.: Азбука-классика, 2010. 187 с. URL: <https://psychoanalysis.pro/818/freyd-z-neudobstva-kulturyi>
16. Шамионов Р.М., Бочарова Е.Е., Невский Е.В., Суздальцев Н.В., Акаемова Ю.А. Роль установок на авторитаризм и социальное доверие в проявлениях гражданской и онлайн-активности // Экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 2. С. 101–120. DOI: 10.17759/exppsy.2023160207
17. Энтин Дж. Теории заговоров и конспиративистский менталитет // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 69–81. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/CONSP.HTM>
18. Яблонская С.Б. Особенности идентичности в условиях длящейся коллективной травматизации // Этнопсихология: теория и практика: матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ (16–17 ноября 2023 г.) / отв. ред. В.В. Гриценко, О.С. Павлова. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 173–177. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2023/contents>
19. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2019. С. 576. URL: <https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2018/03/%D0%AF%D0%BB%D0%BE%D0%BC-%D0%98-%D0%AD%D0%BA%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%8F.pdf?189db0&189db0>
20. Bierwaczzonek, K., Gundersen, A.B., & Kunst J.R. (2022). The role of con-spiracy beliefs for COVID-19 health responses: A meta-analysis. *Current Opinion in Psychology*, 46, 101346. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101346
21. Bilewicz, M. (2022). Conspiracy beliefs as an adaptation to historical trauma. *Current Opinion in Psychology*, 47, 101359. DOI:10.1016/j.copsyc.2022.101359
22. Boltanski, L. (2012). *Énigmes et complots: Une enquête à propos d' enquêtes*. Paris. DOI: 10.3917/rai.046.0217
23. Douglas, K.M., Sutton, R.M., & Cichocka, A. (2017). The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26, 538–542. DOI: 10.1177/0963721417718261
24. Georgiou, N., Delfabbro, P., & Balzan, R. (2020). COVID-19-related conspiracy beliefs and their relationship with perceived stress and pre-existing conspiracy beliefs. *Personality and Individual Differences*, 166, 110201. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110201>
25. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. New York. DOI:10.1007/s00362-013-0533-y
26. Kreko, P. (2015). Conspiracy theory as collective motivated cognition. In M. Bilewicz, A. Cichocka, & W. Soral (Eds.) *The psychology of conspiracy* (pp. 62–75). Routledge. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=1Us-VQEAAAAJ&citation_for_view=1Us-VQEAAAAJ:QIV2ME_5wuYC
27. Lewandowsky, S., Oberauer, K., & Gignac, G.E. (2013). Nasa faked the moon landing – therefore, (climate) science is a hoax: an anatomy of the motivated rejection of science. *Psychological Science*, 24, 622–633. DOI: 10.1177/0956797612457686

28. Olshansky, A., Peaslee, R.M., & Landrum, A.R. (2020). Flat-smacked! Converting to flat eartherism. *Journal of Media and Religion*, 19(2), 46–59. DOI: 10.31219/osf.io/qpnjm
29. Pfaller, R. (2017). *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh University Press. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474422925.001.0001
30. Prooijen, J.W. van, & Van Vugt, M. (2018). Conspiracy theories: Evolved functions and psychological mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*, 13, 770–788. DOI: 10.1177/1745691618774270
31. Prooijen, J.W. van, Ligthart, J., Rosema, S., & Xu, Y. (2022). The entertainment value of conspiracy theories. *British Journal of Psychology*, 113(1), 25–48. DOI: 10.1111/bjop.12522
32. Rottweiler, B., Gill, P., & Bouhana, N. (2022). Individual and environmental explanations for violent extremist intentions: A German nationally representative survey study. *Justice Quarterly*, 39(4), 825–846. DOI: 10.1080/07418825.2020.1869807
33. Stanovich, K.E., & West, R.F. (2008). On the relative independence of thinking biases and cognitive ability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94, 672–695. DOI: 10.1037/0022-3514.94.4.672
34. Sutton, R.M., & Douglas, K.M. (2022). Rabbit Hole Syndrome: Inadvertent, accelerating, and entrenched commitment to conspiracy beliefs. *Current Opinion in Psychology*, 48, 101462. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101462
35. Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., & Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. DOI:10.1016/j.paid.2016.04.084
36. Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered questions: A preliminary investigation of personality and individual difference predictors of 9/11 conspiracist beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24(6), 749–761. DOI: 10.1002/acp.1583
37. Tappin, B.M., Pennycook, G., & Rand, D.G. (2020). Bayesian or biased? Analytic thinking and political belief updating. *Cognition*, 204, 104375. DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104375
38. Udry, J., & Barber, S.J. (2024). The illusory truth effect: A review of how repetition increases belief in misinformation. *Current Opinion in Psychology*, 56, 101736. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101736
39. Watson, R., Harvey, K., McCabe, C. et al. (2020). Understanding anhedonia: a qualitative study exploring loss of interest and pleasure in adolescent depression. *Eur Child Adolesc Psychiatry*, 29, 489–499. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-019-01364-y>
40. Wood, M.J. (2013). Has the internet been good for conspiracy theorising? *PsyPAG Quarterly*, 88, 31–34. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=d3PBG5gAAAJ&citation_for_view=d3PBG5gAAAJ:YsMSGLbcyi4C
41. Yang, S.-W., Xu, M.-X., Kuang, Y., Ding, Y., Lin, Y.-X., Wang, F., Rao, L.-L., Zheng, R., & Li, S. (2023). An agenda setting account for psychological typhoon eye effect 2 on responses to the outbreak of COVID-19 in Wuhan. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 20(5), 4350. DOI: <https://doi.org/10.3390/xxxx>

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF ACTUALIZATION OF STUDENTS' CONSPIRACY MENTALITY

V.I. Pishchik (Rostov-on-Don, Russia)

E.A. Cherkasova (Rostov-on-Don, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Today, there is a large spread of belief in conspiracy theories that have harmful consequences for public health and safety. Identifying the mechanisms of actualization of the conspiracy mentality is a significant problem that will contribute to the development of methods of influencing conspiracy beliefs. Various mechanisms of actualization of the conspiracy mentality from cultural, psychodynamic, socio-psychological, cognitive, structural analysis, and other positions are described. In the psychodynamic approach, it is a mechanism of repression, deviation from a frightening event, in the presence of a conspiracy, as well as a mechanism for overcoming collective trauma. From a cognitive perspective, intuitive processes and thinking can act as mechanisms that provoke belief in conspiracies. From a socio-psychological point of view, phenomena such as group decision-making and solidarity provoke belief in conspiracies. There is an acceleration of the involvement of the population in the conspiracy – the mechanism of the 'rabbit hole'. Belief in conspiracies is reinforced through the mechanism of the 'illusion of focus' due to the remoteness from the epicenter of a catastrophic event.

The purpose of the article is to describe a new mechanism of actualization of the conspiracy mentality.

The research methodology is based on a subject-dynamic approach to the problem, which allowed us to describe a new mechanism for actualizing the conspiracy mentality. The empirical study used methods for measuring the types of belief in conspiracies, such as conspiratorial mentality, the level of critical thinking, actualization of values through fears, and methods of mathematical statistics.

Research results. The article presents the mechanism of 'interpassivity' – shifting responsibility to Another when a person shows passivity in relation to their desires. A study was conducted on a sample of students aged 18-20 years, 50% girls, 60 people in total. Initially, the dominant types of belief in conspiracies were identified: in the pharmaceutical conspiracy, in social and political conspiracies. It was revealed that girls have a more stable type of conspiratorial mentality, while boys have a ready-made type. The average level of critical thinking prevailed in the group and the 'value of self' was expressed. We have attracted students to participate in the training. There have been changes in the belief in a political conspiracy, it has significantly decreased, belief in a conspiracy on the issue of vaccination, a pharmaceutical conspiracy. The representation of the seeking and effective types of conspiratorial mentality has become more pronounced. The type of ready-made conspiratorial mentality has declined.

Conclusion. One of the possible mechanisms of actualization of the conspiracy mentality is described, this is 'interpassivity', reflecting the processes when activity for committing actions, broadcasting thoughts is given to a big Other. An empirical study was conducted, which found that there is a large spread of belief in various conspiracies among students, an average level of critical thinking, and training for correcting conspiratorial beliefs has a certain effectiveness and can be applied in the educational work of universities.

Keywords: *conspiracy mentality, belief in conspiracy theories, critical thinking, values, fears, mechanism, interpassivity, students.*

Pishchik, Vlada I. – DSc (Psychology), Professor, Department of General and Consultative Psychology, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia); Scopus ID: 24473186900; ORCID: 0000-0002-3909-3895; e-mail: vladaph@yandex.ru

Cherkasova, Yesenia A. – PhD Candidate, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russia); ORCID: 0009-0000-5210-4002; e-mail: yeseniacherkasova@mail.ru

---

References

1. Brotherton, R. (2017). *Trustful minds. What attracts us to conspiracy theories?* Transl. from English by M. Bagotskaya and P. Kuptsov. Moscow. URL: <https://www.litres.ru/book/rob-brazerton/nedoverchivye-umy-chem-nas-privlekaut-teorii-zagovorov-23925297/>
2. Gorbатов, D.S. (2017). Content analysis of discussions on false rumors on the Internet. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty* [Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work], 27(1), 19–26. URL: https://psyjournals.ru/journals/scientific_notes/archive/2017_n1/gorbatov?ysclid=lsxiuvpk6v175302060
3. Zizek, S. (2005). *Interpassivity. Desire: attraction. Multiculturalism.* Transl. from English A. Smirnova; Edited by V. Mazin and G. Rogonyan. St. Petersburg. URL: [https://dl.libcats.org/genesis/601000/66b33d1369b9e6ce3718322e5e815aff/_as/\[ZHizhek_S.\]_Interpassivnost._ZHelanie_vlechenie.\(libcats.org\).pdf](https://dl.libcats.org/genesis/601000/66b33d1369b9e6ce3718322e5e815aff/_as/[ZHizhek_S.]_Interpassivnost._ZHelanie_vlechenie.(libcats.org).pdf)

4. Kadurina, N.V. (2013). Conspiracy approaches to the representation of political processes. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Research of Social Problems], 6(26). DOI: <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-6-26>
5. Lacan, J. (2008). *The wrong side of psychoanalysis. Seminars. Book XVII (1969/70)*. Moscow. URL: <https://djvu.online/file/tOO9004ybsUqn>
6. Lacan, J. (2010). *Anxiety (Seminars, Book X (1962/63))*. Moscow. URL: <https://djvu.online/file/LYIsKYzDvdEMe>
7. Lutsenko, E.L. (2014). Adaptation of the critical thinking test by L. Starkey. *Visnik Khark. nats. un-tu imeni V.N. Karazina. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the Kharkiv National University named after V.N. Karazin. Series: Psychology], 1110, 65–70.
8. Nestik, T.A., Deineka, O.S., & Maksimenko, A.A. (2020). Social and psychological prerequisites for belief in conspiracy theories of the origin of COVID-19 and involvement in network communications. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 11(4), 87–104. DOI: 10.17759/sps.2020110407
9. Pishchik, V.I. (2022). Construct of conspiratorial mentality: theoretical model. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk* [South Russian Journal of Social Sciences], 23(4), 27–44. DOI: 10.31429/26190567-23-4-27-44<https://journalsr.kubsu.ru/issue/view/19>
10. Pishchik, V.I. (2019). *Mentality of generations in fluid modernity* (scientific monograph). Moscow. DOI: 10.12737/monography_5ba0ee24675441.11909669
11. Prilutsky, A.M., & Sokolov, R.A. (2021). Categorical semiotics of vaccine-phobic discourse of a conspiracy myth. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of PSTGU. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies], 97, 105–120. DOI: 10.15382/sturl202197.105-120
12. Smulyansky, A.E. (2012). *Vanishing Theory: A Book about the Key Figures of Continental Philosophy*. Moscow. URL: <https://djvu.online/file/me3XO3iqLXGnk>
13. Conspiracy theories – and what do people think about them? (2020). *VTsIOM*, July 29. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/teorii-zagovora-i-chto-lyudi-o-nikh-dumayut>
14. Freud, Z. (1997). Constructions in analysis. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative Psychology and Psychotherapy], 5(3). URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1997_n3/Freud?ysclid=lq439t8lna747502152
15. Freud, Z. (2010). *Inconveniences of Culture* [Transl. from German by R. Dodeltseva]. St. Petersburg. URL: <https://psychoanalysis.pro/818/freyd-z-neudobstva-kulturyi>
16. Shamionov, R.M., Bocharova, E.E., Nevsky, E.V., Suzdaltsev, N.V., & Akaemova, Yu.A. (2023). The role of attitudes toward authoritarianism and social trust in manifestations of civic and online activity. *Eksperimentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology], 16(2), 101–120. DOI: 10.17759/exppsy.2023160207
17. Entin, J. (2000). Conspiracy theories and conspiratorial mentality. *Novaya i noveyshaya istoriya* [New and Recent History], 1, 69–81. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/CONSP.HTM>
18. Yablonskaya, S.B. (2023, November 16–17). Features of identity in conditions of ongoing collective traumatization. In V.V. Gritsenko, O.S. Pavlova (Eds) *Ethnopsychology: theory and practice* (pp. 173–177). International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Ethnopsychology and Psychological Problems of Multicultural Education of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education MSUPE. Moscow. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ethnopsyconf2023/contents>
19. Yalom, I. (2019). *Existential Psychotherapy*. Moscow. URL: <https://psychoanalysis.by/wp-content/uploads/2018/03/%D0%AF%D0%BB%D0%BE%D0%BC-%D0%98.-%D0%AD%D0%BA%D0%B7%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F-%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%8F.pdf?189db0&189db0>
20. Bierwaczonok, K., Gundersen, A.B., & Kunst J.R. (2022). The role of con-spiracy beliefs for COVID-19 health responses: A meta-analysis. *Current Opinion in Psychology*, 46, 101346. DOI: 10.1016/j.copsy.2022.101346

21. Bilewicz, M. (2022). Conspiracy beliefs as an adaptation to historical trauma. *Current Opinion in Psychology*, 47, 101359. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101359
22. Boltanski, L. (2012). *Énigmes et complots: Une enquête à propos d'enquêtes*. Paris. DOI: 10.3917/rai.046.0217
23. Douglas, K.M., Sutton, R.M., & Cichocka, A. (2017). The psychology of conspiracy theories. *Current Directions in Psychological Science*, 26, 538-542. DOI: 10.1177/0963721417718261
24. Georgiou, N., Delfabbro, P., & Balzan, R. (2020). COVID-19-related conspiracy beliefs and their relationship with perceived stress and pre-existing conspiracy beliefs. *Personality and Individual Differences*, 166, 110201. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110201>
25. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. New York. DOI: 10.1007/s00362-013-0533-y
26. Kreko, P. (2015). Conspiracy theory as collective motivated cognition. In M. Bilewicz, A. Cichocka, & W. Soral (Eds.) *The psychology of conspiracy* (pp. 62–75). Routledge. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=1Us-VQEAAAAJ&citation_for_view=1Us-VQEAAAAJ:QIV2ME_5wuYC
27. Lewandowsky, S., Oberauer, K., & Gignac, G.E. (2013). Nasa faked the moon landing – therefore, (climate) science is a hoax: an anatomy of the motivated rejection of science. *Psychological Science*, 24, 622–633. DOI: 10.1177/0956797612457686
28. Olshansky, A., Peaslee, R.M., & Landrum, A.R. (2020). Flat-smacked! Converting to flat eartherism. *Journal of Media and Religion*, 19(2), 46–59. DOI: 10.31219/osf.io/qpnjm
29. Pfaller, R. (2017). *Interpassivity: The Aesthetics of Delegated Enjoyment*. Edinburgh University Press. DOI: 10.3366/edinburgh/9781474422925.001.0001
30. Prooijen, J.W. van, & Van Vugt, M. (2018). Conspiracy theories: Evolved functions and psychological mechanisms. *Perspectives on Psychological Science*, 13, 770–788. DOI: 10.1177/1745691618774270
31. Prooijen, J.W. van, Ligthart, J., Rosema, S., & Xu, Y. (2022). The entertainment value of conspiracy theories. *British Journal of Psychology*, 113(1), 25–48. DOI: 10.1111/bjop.12522
32. Rottweiler, B., Gill, P., & Bouhana, N. (2022). Individual and environmental explanations for violent extremist intentions: A German nationally representative survey study. *Justice Quarterly*, 39(4), 825–846. DOI: 10.1080/07418825.2020.1869807
33. Stanovich, K.E., & West, R.F. (2008). On the relative independence of thinking biases and cognitive ability. *Journal of Personality and Social Psychology*, 94, 672–695. DOI: 10.1037/0022-3514.94.4.672
34. Sutton, R.M., & Douglas, K.M. (2022). Rabbit Hole Syndrome: Inadvertent, accelerating, and entrenched commitment to conspiracy beliefs. *Current Opinion in Psychology*, 48, 101462. DOI: 10.1016/j.copsyc.2022.101462
35. Swami, V., Furnham, A., Smyth, N., Weis, L., Lay, A., & Clow, A. (2016). Putting the stress on conspiracy theories: Examining associations between psychological stress, anxiety, and belief in conspiracy theories. *Personality and Individual Differences*, 99, 72–76. DOI: 10.1016/j.paid.2016.04.084
36. Swami, V., Chamorro-Premuzic, T., & Furnham, A. (2010). Unanswered questions: A preliminary investigation of personality and individual difference predictors of 9/11 conspiracist beliefs. *Applied Cognitive Psychology*, 24(6), 749–761. DOI: 10.1002/acp.1583
37. Tappin, B.M., Pennycook, G., & Rand, D.G. (2020). Bayesian or biased? Analytic thinking and political belief updating. *Cognition*, 204, 104375. DOI: 10.1016/j.cognition.2020.104375
38. Udry, J., & Barber, S.J. (2024). The illusory truth effect: A review of how repetition increases belief in misinformation. *Current Opinion in Psychology*, 56, 101736. DOI: 10.1016/j.copsyc.2023.101736.
39. Watson, R., Harvey, K., McCabe, C. et al. (2020). Understanding anhedonia: a qualitative study exploring loss of interest and pleasure in adolescent depression. *Eur Child Adolesc Psychiatry*, 29, 489–499. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00787-019-01364-y>
40. Wood, M.J. (2013). Has the internet been good for conspiracy theorising? *PsyPAG Quarterly*, 88, 31–34. URL: https://scholar.google.com/citations?view_op=view_citation&hl=ru&user=d3PBG5gAAAJ&citation_for_view=d3PBG5gAAAJ:YsMSGLbcyi4C
41. Yang, S.-W., Xu, M.-X., Kuang, Y., Ding, Y., Lin, Y.-X., Wang, F., Rao, L.-L., Zheng, R., & Li, S. (2023). An agenda setting account for psychological typhoon eye effect 2 on responses to the outbreak of COVID-19 in Wuhan. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 20(5), 4350. DOI: <https://doi.org/10.3390/xxxxx>